

77. 968

3

Г Б Ч В
 кк. Н. К. Мавдзиридзе,

произнесенная въ зас. тифл. суд. палаты 20 окт. 1911 г. въ г. Сухумѣ.

69579
 Единственное облегченіе, какъ бы въ возмѣщеніе за всѣ неудобства и тягости, сопряженные съ положеніемъ чловѣка находящагося на скамьѣ подсудимыхъ-это предоставляемое ему закономъ право сказать въ свою защиту послѣднее слово: бываетъ такое положеніе, когда испытываешь непреодолимое желаніе гласно, во-всеуслышаніе, публично заявить, что тяжело, невыносимо душно въ той атмосферѣ, въ которой иногда намъ приходится работать на пользу об-ва. Конечно, невыгодно, неудобно подавать объясненія по своему дѣлу не потому только, что вслѣдствіе естественно вызываемыхъ этимъ обстоятельствомъ волненій, нелегко сохранить тонъ сдержанности и спокойствія въ сужденіяхъ, а и потому еще, что мало вѣры и значенія придаютъ, обыкновенно, доводамъ и разъясненіямъ самого объекта обвиненія. Но въ данномъ случаѣ дѣло касается не меня лично: въ этомъ процессѣ происходитъ судъ надъ самодѣятельностью представителей общественныхъ учрежденій, надъ защитниками интересовъ населенія у насъ-

въ Россіи, поэтому я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ разъяснить суду особенности обстоятельство этого дѣла и изложить хладнокровно, спокойно, объективно весь послѣдовательный ходъ развитія событій, послужившихъ поводомъ для созданія этого страннаго, во всякомъ случаѣ, необыкновеннаго судебного процесса; поэтому, надѣюсь, судьи не лишатъ меня единственной привилегіи, присвоенной дѣйствующимъ закономъ обвиняемому: выслушаютъ меня до конца, не прерывая, при томъ условіи, что сужденія мои не будутъ выходить изъ рамокъ, присвоенныхъ торжественному положенію.

Вся процедура возбужденія противъ меня уголовного характера обвиненія и вообще созданія этого нашумѣвшаго дѣла основана на томъ аномальномъ, исключительномъ ужасномъ событій, которое имѣло мѣсто лѣтъ 5—6 тому назадъ и которое извѣстно подъ названіемъ революціи, т. е. въ періодъ времени 1905—1906 г.

Давно признанная истина, что „нѣтъ враговъ только у того, кто ничего не дѣлаетъ“, а у меня, какъ у общественнаго дѣятеля, который, какъ вы могли замѣтить хотя бы изъ бѣгло прошедшихъ передъ вами свидѣтельскихъ показаній, работалъ, создавалъ проекты, планы и проводилъ ихъ, иногда путемъ упорной борьбы, преодолевая препятствія, конечно могли быть враги и личные, и партійные.

Если когда нибудь въ исторіи развитія человѣческаго общества былъ періодъ опасный, страшный, ненормальный, въ высшей степени неудобный для выполненія правильной, рассчитанной на систематическій креспотливый трудъ, работы—то это было именно то время, когда мнѣ приходилось вступать въ исполненіе своихъ общественныхъ обязанностей, въ роли городского головы г. Сухума. Конечно, теперь, съ точки зрѣнія человѣка, находящагося въ періодѣ не только успокоенія, но и наступленія строгихъ условій защиты порядка и спокойствія, непонятно, неправдоподобно, недопустимо даже въ мысляхъ то, что въ дѣйствительности происходило 5—6 лѣтъ тому назадъ, но судьямъ приходится быть не только обзрѣвателями текущихъ событій, но и стать въ роли историка: войти въ положеніе лицъ, дѣйствовавшихъ при исключительныхъ условіяхъ и понять психику, настроеніе ихъ.

Я былъ избранъ городскимъ головою гор. Сухума въ іюль мѣс. 1905 г., а утвержденъ въ этой должности только въ августѣ 1905 г., слѣдовательно, я могъ вступить въ исполненіе своихъ обязанностей только съ сентября мѣсяца 1905 г.

Это было время, какъ извѣстно, всеобщихъ забастовокъ: главнымъ способомъ борьбы революціонеровъ было признано тогда установленіе строжайшаго бойкота общественныхъ и правительственныхъ учрежденій.

Съ момента избранія меня на должность городского головы, я сталъ получать отъ замѣстителя изъ Сухума въ Кутаисѣ, гдѣ я проживалъ до утвержденія меня въ должности, тревожныя телеграммы, что городъ въ опасности: „забастовщики поломали, испортили водопроводныя трубы, объявленъ населенію строжайшій бойкотъ, нѣтъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни воды“. Когда я собрался ѣхать въ г. Сухумъ, я представлялся губернатору, мнѣ тамъ впервые сообщили, что въ Гуріи въ озургетскомъ уѣздѣ агрессивно настроенная толпа, взвинченная пропагандистами, вступ. въ бой съ войсками и что уже были случаи столкновений. Зная, что я пользуюсь нѣкоторого рода вліяніемъ и уваженіемъ среди населенія, просили меня поговорить съ народомъ, урезонить и успокоить гурійцевъ. Я, конечно, счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ помочь населенію, предупредить и защитить его отъ грозящей неминуемой опасности и гибели и рѣшилъ поговорить непосредственно съ народомъ, среди котораго я дѣйствовалъ и пользовался уваженіемъ и посоветовать ему не терять разсудка, не увлекаться мнѣніями неопытныхъ, легкомысленныхъ пропагандистовъ. По дорогѣ въ Сухумъ я заѣхалъ въ г. Озургеты, гдѣ я засталъ на митингѣ сорокатысячную толпу, обсуждавшую разные вопросы. Я воспользовался этимъ сборищемъ, и попросилъ разрѣшенія поговорить съ народомъ.

Со всей силой логики, всѣми способами, доступными человѣческой способности убѣжденія я доказывалъ массѣ населенія всю опасность, гибельность того пути, по которому они идутъ; я совѣтовалъ имъ выждать моментъ, выработать мирно при посредствѣ свѣдущихъ лицъ условія земскаго положенія и просить о введеніи этого полезнаго для населенія учрежденія—это я считалъ единственнымъ благомъ, котораго они могли дожидаться. Мои слова и совѣты челоуѣка, который имѣлъ вліяніе въ населеніи, подѣйствовали на толпу: большинство призадумалось, стало колебаться и былъ моментъ, когда толпа могла перейти на мою сторону. Но одинъ изъ пропагандистовъ, видя, что мои слова производятъ впечатлѣніе на толпу, выступилъ съ рѣчью, содержаніе которой не могу забыть до сихъ поръ:

„Граждане,—сказалъ онъ,—конечно, вы хорошо знаете князя Тавдгиридзе: онъ съ университетской скамьи пришелъ къ вамъ работать, заботился о васъ, онъ открылъ вамъ амбулаторію—лѣчебницу, онъ заботился объ образовательныхъ нуждахъ вашихъ дѣтей, онъ задумалъ, въ видахъ поднятія экономическаго благосостоянія страны нашей, провести желѣзную дорогу, онъ хотѣлъ вамъ сдѣлать очень многое хорошее, но въ этомъ, какъ вамъ извѣстно, мѣшала и противодѣйствовала ему та администрація, противъ которой мы

теперь боремся. Мало того, по истеченіи срока службы, когда вы вторично единодушно избрали его, администрація не утвердила его, а теперь, оставшись безъ мѣста, князь Тавдгиридзе примирился съ правительствомъ, защищаетъ теперь его интересы и сдѣлался его агентомъ, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что та администрація, которая не утвердила его въ должности городского старосты у насъ, при скудномъ содержаніи нашемъ, утвердила его городскимъ головою въ Сухумъ, гдѣ ему прійдется дѣйствовать лично для себя при лучшихъ условіяхъ“.

Конечно, послѣ этихъ словъ, толпа единодушными аплодисментами наградила пропагандиста за находчивое слово и я былъ лишенъ возможности говорить что-нибудь. Это обстоятельство происходило въ присутствіи предводителя дворянства, мировыхъ посредниковъ и всѣхъ правительственныхъ чиновъ озургетскаго уѣзда, такъ что, при допущеніи малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости и точности передачи этихъ словъ, можно подтвердить ихъ показаніями заслуживающихъ довѣрія очевидцевъ.

Эту, повидимому, не имѣющую прямого отношенія къ дѣлу, исторію я привелъ здѣсь для того, чтобы рельефно отѣннить то, насколько опасно и аномально было то время, когда мнѣ пришлось вступать въ исполненіе обязанностей сухумскаго городского головы: если

въ населеніи, гдѣ меня знали съ дѣтства, среди котораго я работалъ и которое видѣло результаты моихъ дѣйствій, я потерпѣлъ фіаско, то что могло меня ожидать въ мѣстности, гдѣ большинство меня не знало. Безъ преувеличенія можно сказать, что мое положеніе въ то время было аналогично съ положеніемъ полководца, прибывающаго съ поѣзда или съ парохода на мѣсто состязанія для вступленія въ бой.

Въ такіе моменты производство формальныхъ, обыкновенно допускаемыхъ въ мирное, спокойное время порядковъ и условій не только невозможно, невысказимо, но и безразсудно: въ такое время, когда населеніе страдало и терпѣло отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и питьевой воды, вслѣдствіе объявленнаго строгаго бойкота, заниматься разсмотрѣніемъ бухгалтерскихъ книгъ и прихода-расходныхъ расчетовъ, для всякаго разумнаго чловѣка, очевидно, было неумѣстно; поэтому, никакихъ формальныхъ порядковъ, принятыхъ во время вступленія въ должность, для проверки книгъ, имуществъ и капиталовъ, я не могъ тогда допустить и не думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что до меня завѣдывали дѣлами лица, облеченныя довѣріемъ населенія. Мои мысли были заняты въ то время тѣмъ, чтобы спасти населеніе отъ опасности и изыскать средства, ресурсы для поддержанія функціонированія представ-

ляемаго мною общественнаго учрежденія. Въ этихъ видахъ, я долженъ былъ преслѣдовать двоякаго рода цѣль: съ одной стороны, — установить, насколько возможно было, успокоеніе, *modus vivendi* среди населенія и тѣхъ лицъ, которыя создавали аномальное положеніе, съ другой стороны, принять всѣ мѣры, чтобы розыскать источникъ, доходную статью для удовлетворенія много—различныхъ нуждъ населенія и учреждений, содержимыхъ на средства города. Для выполненія первой задачи мнѣ приходилось входить въ переговоры съ забастовщиками, выслушивать ихъ доводы, возражать на неприемлемыя ихъ требованія и предлагать свои услуги въ дѣлѣ удовлетворенія тѣхъ нуждъ ихъ, которыя при существовавшихъ тогда условіяхъ возможно было выполнить. Въ этихъ видахъ, я устраивалъ совѣщанія домовладѣльцевъ, дачевладѣльцевъ и представителей торгово-промышленнаго общества и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы мирнымъ путемъ, хотя бы временно облегчить созданное для населенія затруднительное положеніе.

Для выполненія второй задачи моей, т. е. изысканія средствъ, ресурсовъ, необходимость заставляла обратиться за содѣйствіемъ къ центральному правительству, такъ какъ на мѣстѣ добиться возстановленія нормальнаго порядка настолько, чтобы доходы поступали своевременно въ кассу города, въ то время невозможно было.

Въ періодъ революціи въ 1905 г., какъ извѣстно, въ видахъ успѣшности борьбы, былъ объявленъ бойкотъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Сущность этой системы заключалась въ томъ, что населенію не только разрѣшалось, но приказывалось не платить никакихъ налоговъ и установленныхъ сборовъ. Эта, выгодная для плательщиковъ, мѣра со строгой послѣдовательностью и правильностью проводилась въ жизнь: съ іюля мѣсяца 1905 г. ни одна копейка изъ установленныхъ въ пользу города сборовъ не поступала въ кассу города: а содержать учрежденія: больницы, школы, штатъ полицейской охраны и всякаго рода обязательная повинность, стоившія городу въ мѣсяць 7—8 тыс. руб.,—нужно было.

Одна большая привилегія портовыхъ городовъ заключается въ томъ, что для нихъ установлены такъ наз. портовые сборы: съ каждаго пуда вывозимаго груза взыскивается по 1 коп. въ пользу того города, съ береговъ котораго отправляется товаръ. До 1909 г. этими деньгами завѣдывали непосредственно города, въ кассу которыхъ поступали по мѣрѣ накопленія эти суммы; но съ 1909 г. эти деньги распределяются между городами въ центральномъ управленіи—комитетомъ по портовымъ дѣламъ, при чемъ ежегодно происходятъ засѣданія этого комитета въ первыхъ числахъ октября и сообразно съ выясняющей тамъ

нуждою, по докладамъ и ходатайствамъ представителей городовъ, распредѣляются тамъ суммы на мѣстныя потребности безотносительно къ тому, поступаетъ-ли отъ портового сбора того или другого города такая сумма, какую городъ испрашиваетъ.

Добившись маленькаго успѣха въ смыслѣ соглашенія большей части забастовщиковъ съ работодателями-хозяевами и убѣдившись въ томъ, что ресурсовъ на удовлетвореніе нуждъ учреждений, содержимыхъ на средства города, нельзя изыскать на мѣстѣ, я черезъ 10 дней по вступленіи въ должность городск. головы г. Сухума былъ вынужденъ поѣхать въ Петербургъ для исходатайствованія необходимыхъ денегъ изъ портового управленія.

Тѣ работы, на которыя были отпущены отдѣломъ портовъ деньги по ходатайствамъ моихъ предшественниковъ не могли-быть выполнены, такъ какъ исчисленіе стоимости этихъ работъ призывалось по условіямъ времени, даннымъ и урочнымъ цѣнамъ, существовавшимъ до броженія умовъ, т. е. до революціи, послѣ этого момента очевидно было, что цѣны на всякаго рода строительныя работы должны были повыситься значительно. По этимъ соображеніямъ и вслѣдствіе моихъ докладовъ, комитетъ по портовымъ дѣламъ отпустилъ, какъ на вновь испрошенныя мною работы, такъ и на дѣла подлежащія къ выполненію по прежнимъ смѣтамъ, день-

ги примѣнительно къ новымъ условіямъ, повысивъ расходъ на работы почти вдвое. Нужно знать, что комитетъ по портовымъ дѣламъ, какъ вообще принято по казеннымъ работамъ минист. пут. сооб. обыкновенно, соглашается отпустить деньги на выполненіе мѣстныхъ строительныхъ дѣлъ условно, т. е. обѣщаетъ за извѣстныя работы деньги, а въ дѣйствительности выдаетъ ихъ очень часто *post factum* послѣ того, какъ работы выполнены. Мнѣ помогло тогда то обстоятельство, что всякаго рода разумныя, жизненные требованія представителей населенія, принимались правительствомъ къ свѣдѣнію въ то время съ большей охотой.

Добившись благопріятнаго разрѣшенія всѣхъ ходатайствъ по дѣламъ гор. Сухума, я, къ величайшему моему сожалѣнію, выѣхать обратно не могъ, такъ какъ не было сообщеній, вслѣдствіе наступленія извѣстной желѣзнодорожной забастовки: а между тѣмъ почти ежедневно я получалъ тревожныя телеграммы отъ своего замѣстителя изъ Сухума; послѣдняя телеграмма была ужасающая:

„Спѣшите немедленно на помощь населенію: гласные разогнаны, предъявляютъ требованіе сдать кассу, капиталы города, испрошенъ срокъ недѣльный до вашего пріѣзда, убѣдительно просятъ всѣ немедленно пріѣхать“.

Конечно, и безъ этой телеграммы

можно было предположить, что положеніе опасное: и тамъ въ Россіи были симптомы, предвѣдавшіе грозныя послѣдствія. Я, конечно, первымъ отходящимъ поѣздомъ помчался обратно, все время въ дорогѣ находясь въ возбужденномъ, нервномъ состояніи; выяснявшіяся по пути обстоятельства все болѣе и болѣе усиливали опасенія: въ Новороссійскѣ, на примѣръ, меня предупредили не ѣхать въ Сухумъ: „тамъ, — говорили мнѣ, — городъ взятъ, помощникъ полицеймейстера, желая бѣжать на пароходъ отъ преслѣдованій толпы, былъ насильственно стащенъ изъ каюты, задержанъ и препровожденъ подъ конвоемъ въ тюрьму“.

Согласитесь сами, что при такой обстановкѣ въ предстоящей перспективѣ не могли не чувствоваться неприятели.

Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ пожертвовать собою: принять всѣ мѣры, чтобы отрезвить, урезонить, убѣдить толпу логикой, разумными доводами, а если не удастся успокоеніе, то бороться до послѣдней капли крови, не прибѣгая ни къ какому рода коварству и мести.

Пріѣхавъ въ Сухумъ, я сразу почувствовалъ сгущенность атмосферы, подавленность населенія: не успѣлъ я войти въ гостиницу, какъ явилась ко мнѣ депутація отъ народа съ требованіемъ сдать городъ и всѣ его капиталы. Я, конечно, невольно прежде всего задалъ вопросъ:

— Кому сдать имущество города?

Они миѣ отвѣтили:

— А вотъ, комиссія, избранной на митингѣ, для пріема капиталовъ!

Я рѣзко оборвалъ дальнѣйшій разговоръ и сказалъ:

— Отъ той толпы, которая обсуждаетъ судьбы населенія на митингѣ, я ничего не принималъ и по ея указанію и ея представителямъ, я ничего, ни одной копѣйки общественныхъ денегъ не сдамъ и обѣщаль имъ непосредственно поговорить съ этимъ „народомъ“.

Мое положеніе было отчаянное не потому только, что, идя противъ настроенія толпы, я подвергался опасности, а потому, что собираясь спасти населеніе отъ неминуемой гибели — приходилось итти противъ настроенія большинства, вести борьбу противъ толпы и ея руководителей. Мое безвыходное положеніе усугублялось еще тѣмъ, что я былъ одинокъ, я не имѣлъ идейнаго сторонника, во всякомъ случаѣ, въ то время, когда я выступалъ на арену состязанія, при неблагопр. условіяхъ дѣятельности, не видѣлъ никого, кто-бы меня могъ поддержать, кто-бы оказалъ миѣ, хотя-бы скрытое сочувствіе; хотя я зналъ, что большинство населенія только изъ-за страха держать сторону руководителей анархіи, но сочувствіе безсознательной части населенія, идущей только за временной силой, не можетъ представлять въ такіе моменты утѣшенія.

Независимыя лица изъ чиновнаго міра, не принадлежавшія къ поли-

цейскому вѣдомству, призванные по долгу службы поддерживать, въ случаяхъ опасности, престижъ власти и установленный государствомъ порядокъ, напуганныя экстраординарнымъ событіемъ, подъ вліяніемъ страха, при мысли о гибели, потеряли голову и чтобы спасти свою шкуру, побросали свои кокарды, формы и стали подлизываться подъ дудку вершавшихъ тогда судьбу населенія — пропагандистовъ. Къ этой категоріи принадлежалъ и лучший представитель чиновнаго класса на мѣстѣ, податной инспекторъ, гласный думы Е. Л. Марковъ, главный виновникъ возбужденія всего этого дутаго процесса. Подлаживаясь подъ тонъ времени и настроеніе толпы, онъ раздавалъ отпечатанную программу кадетовъ; во время борьбы моей за сохраненіе правъ гласныхъ, за оставленіе ихъ въ своихъ должностяхъ, не разгоняя ихъ, гласный Марковъ (податной инспекторъ) предлагалъ самыя пріемлемыя для революціонеровъ компромиссы, въ родѣ того, что нужно распустиить гласныхъ, избранныхъ по старому порядку и комплектовать новый составъ думы по новой системѣ, т. е. по всеобщей, прямой равной и тайной баллотировкѣ. До моего пріѣзда, на совѣщаніи гласныхъ при масѣ, врывавшейся тогда на всѣ собранія, толпы, гласный Марковъ, чтобы зарекомендовать себя въ либеральномъ духѣ, публично заявлялъ, что „всѣ лучшіе люди въ

Россіи противъ самодержавія“. Это обстоятельство по просьбѣ самого автора Маркова отмѣчено въ журналѣ засѣданія сухумск. гор. думы, такъ какъ въ то время имѣть документъ доказательства либеральности для чиновника было очень важно.

Конечно, среди такихъ лицъ не могъ я найти идейнаго сотрудника въ трудномъ и опасномъ для жизни дѣлѣ борьбы за установленіе порядка и спокойствія для мирной гражданской дѣятельности населенія.

Единственнымъ разумнымъ, подходящимъ для оказанія содѣйствія въ моихъ стараніяхъ по дѣлу успокоенія толпы, явился тогда въ г. Сухумѣ Θεодотъ Сахокія. Я его и раньше зналъ, какъ скромнаго, способнаго литератора; вся исторія происхожденія репутаціи его революціонности происходила вѣдѣствіе того, что онъ въ своихъ живо, саркастически и хлестко написанныхъ корреспонденціяхъ, еще до революціи, осмѣивалъ недостатки и злоупотребленія административныхъ чиновниковъ и многихъ мѣстныхъ дѣятелей. За это, конечно, онъ нажилъ массу враговъ и это, несмотря на его безусловныя заслуги впоследствии, во время опасности въ дѣлѣ успокоенія населенія, все-же зачли ему и выместили на него всю злобу.

Но пріѣздѣ въ Сухумъ, я узналъ, что Θεодотъ Сахокія еще раньше меня вступилъ въ борьбу съ пропагандистами, агрессивно настраивав-

шими толпу. Онъ разъяснялъ на понятномъ для толпы языкѣ на митингѣ, что слишкомъ увлекаться происходящими событіями не слѣдуетъ, что ничего въ Россіи лучше того не можетъ быть, что есть за границей. Во Франціи „я самъ былъ тамъ“,—говор. онъ,—и убѣдился въ томъ, что рабочему классу и трудящемуся народу и тамъ не ахъ-ти какъ счастливо живется“. Онъ совѣтовалъ толпѣ выждать моментъ: пусть соберется новая дума и выработаетъ условія, облегчающія жизнь трудящагося народа. За такія трезвыя, но въ то время, ретроградныя, „хулиганскія“ слова его главари толпы—пропагандисты избили, сбросили съ трехаршинной эстрады и намѣревались убить, но спасли его.

Вотъ, этого мученика за правду, этого единственнаго, трезваго въ то время челоѣка, я, по совѣту большинства солидныхъ представителей населенія, взялъ къ себѣ сотрудникомъ въ тотъ моментъ, когда все служащіе предъявляли миѣ грозныя требованія и объявляли бойкотъ тому учрежденію, представителемъ котораго я былъ.

За этотъ мой невинный, правильный и осторожный поступокъ по условіямъ, существовавшимъ тогда, досталось миѣ все то горе, незначительнымъ послѣдствіемъ котораго является мое нахожденіе въ настоящей время на скамьѣ подсудимыхъ.

Откровенно, съ искреннимъ, пол-

нымъ убѣжденіемъ могу заявить здѣсь публично, что тотъ Оедотъ Сахокія, котораго затѣмъ скоро, по минованіи опасности для населенія и нынѣ власть имущихъ, наказали жестоко: осудили на вѣчное поселеніе въ Сибирь, былъ однимъ изъ энергичныхъ, искреннихъ и самоотверженныхъ тружениковъ въ дѣлѣ спасенія населенія отъ угрожавшей гибели и въ борьбѣ съ пропагандистами, подготовлявшими толпу для производства переворота.

Теперь, послѣ окончательнаго разрѣшенія судьбы этого несчастнаго человѣка, поздно и неумѣстно говорить о фактахъ, доказывающихъ его невиновность, а то и въ томъ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ былъ, главнымъ образомъ, осужденъ судомъ, онъ былъ чистъ и правъ, какъ ангелъ: онъ никакого оружія не ввозилъ для цѣлей революціи, а спасалъ населеніе отъ возможнаго захвата революціонерами этого оружія, случайно, на берегу завезеннаго судномъ изъ Поти на границѣ сухумскаго округа, въ сел. Калдахвары. Очень интересно съ юридической точки зрѣнія это обстоятельство.

Когда мы здѣсь въ г. Сухумѣ боролись противъ лицъ, революционизировавшихъ, натравлявшихъ толпу на руководителей дѣла возстановленія порядка и спокойствія и когда со-дня-на-день, мало-по-малу известная часть толпы стала переходить на нашу сторону, главною задачею революціонеровъ

было раздобыть какъ-нибудь оружіе для того, чтобы нагнать страхъ на населеніе. Всѣ домогательства и угрозы въ дѣлѣ отпуска денегъ изъ городской кассы разбились о мое упорное сопротивленіе. Какъ разъ въ это время разнеслась вѣсть, что одна магона занесла оружіе на границу сухумскаго округа.

Главари революціоннаго дѣла въ г. Сухумѣ, конечно, воспользовались этой счастливой для нихъ случайностью—они немедленно поѣхали туда, на мѣсто выгрузки оружія для захвата его въ свои руки съ тою цѣлью, чтобы устроить вооруженное нападеніе на Сухумъ и взять его силою такъ-же, какъ это съ успѣхомъ они устроили въ Сочи.

Группа лицъ, занятая спасеніемъ населенія отъ угрожавшей опасности въ г. Сухумѣ, собралась, какъ въ военное время генеральный штабъ, для обсужденія способовъ огражденія населенія отъ непріятелей; вотъ, на этомъ совѣщаніи мы и рѣшили командировать Ѳедота Сахокія въ Калдахвари, дали ему рекомендательныя письма къ вліятельному тамошнему помѣщику — Александру Иналъ-Ипа въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать на мѣстѣ оружіе и никоимъ образомъ не выдавать его революціонерамъ.

Ѳедотъ Сахокія говорилъ съ населеніемъ, самозванно объявилъ себя собственникомъ этихъ ружей, отъ своего имени разрѣшилъ имъ хранить эти ружья и совѣтовалъ имъ ни подъ какимъ видомъ не вы-

давать ихъ никому и не предпринимать никакихъ воинственныхъ дѣйствій. Вотъ, это обстоятельство послужило главнымъ основаніемъ для осужденія Ѳедота Сахокія.

Всей силой истиннаго убѣжденія я могу здѣсь публично заявить, что Сахокія не былъ замѣшанъ въ дѣло ввоза этого оружія, да и никто изъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу не могъ даже довѣрить ему такого дѣла, такъ какъ онъ былъ по природѣ экспансивнымъ человѣкомъ и конспиративнаго дѣла ему довѣрять нельзя было; объ этомъ странномъ казусѣ о подтасованности обстоятельствъ, приведшихъ къ осужденію Ѳедота Сахокія, я заявлялъ суду во время составленія приговора, когда я имѣлъ честь засѣдать въ судѣ въ качествѣ сословнаго представителя, и мое особое мнѣніе имѣется при дѣлѣ; мнѣ, конечно, не повѣрили. Я позволилъ себѣ подробно остановиться на характеристикѣ личности Ѳедота Сахокія потому, что главнымъ мотивомъ подготавливавшимъ настроеніе администраціи противъ меня было то обстоятельство, что я назначилъ „революціонера“ на службу, своимъ сотрудникомъ.

Вотъ съ этимъ-то „революціонеромъ“ я бросился съ перваго дня пріѣзда моего изъ Петербурга, очертя голову, въ самый круговоротъ борьбы.

Съ перваго взгляда, дѣйствительно, несимпатична была моя роль—миссія, какъ общественнаго дѣяте-

ля, представителя населенія: мнѣ приходилось вступать въ открытый бой съ массой населенія и по самой исключительности моего положенія, я долженъ былъ, идя противъ настроенія большинства, исполнять функціи полицескихъ чиновъ. Съ перваго момента всѣ нападки и система борьбы были направлены противъ меня: явившись въ управу, я получилъ коллективное заявленіе служащихъ, что самоуправленію объявленъ бойкотъ, что занятія прекращены и гласные разогнаны; требовали отъ меня отстраненія отъ должности, санкціонированія постановленій ихъ о выдачѣ двухмѣсячнаго содержанія впередъ и т. д. Я, конечно, рѣзко отклонилъ всѣ требованія, попытался ихъ урезонивать, но видя, что повсюду господствуетъ какой-то всеобщій психозъ, сталъ изыскивать способы огражденія населенія отъ неминуемаго бѣдствія.

Нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что въ то время, въ смыслѣ охраны города гарнизономъ, дѣло обстояло очень плохо: была только одна рота и сотня казаковъ, большая часть нижнихъ чиновъ которыхъ была занята караульной службой: охраной казначейства и всѣхъ правительственныхъ учрежденій. Помимо этого, цѣлымъ рядомъ приказовъ было строго запрещено безъ крайней необходимости, вмѣшиваться войска въ борьбу съ населеніемъ. Нельзя винить мѣстн. администрацію въ бездѣйствіи, такъ

какъ она, съ одной стороны получила циркуляры о томъ, чтобы избѣгать насилія, а, съ другой, не находила поддержки ниоткуда. Городъ былъ буквально отрѣзанъ отъ всѣхъ административныхъ пунктовъ. Единственно оставалось въ такомъ положеніи прибѣгать къ мирнымъ способамъ разрѣшенія затруднительнаго положенія.

Видя все это, сообразивъ всѣ шансы и препятствія для борьбы, я, самыми исключительными обстоятельствами призванный защищать населеніе отъ опасности, принялъ всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры и спообы для защиты интересовъ всего населенія; въ этихъ видахъ, съ одной стороны, я организовывалъ группы лицъ, сочувствующихъ дѣлу огражденія неприкосновенности личности и защиты имуществъ частными мѣрами. Я выступилъ на митингѣ, со всей силой логики, доступными человѣческой способности, способами убѣжденія я разъяснилъ толпѣ всю гибельность и опасность той системы, которую они ведутъ. Я имъ категорически заявилъ, что отъ того, что я считаю разумнымъ, логичнымъ и полезнымъ для населенія, меня никакія угрозы и насилія не могутъ заставить отказаться: никакихъ общественныхъ денегъ я не дамъ ни по какимъ бы то ни было постановленіямъ народа, а если толпа попытается силою взять, то имъ придется „переступить черезъ мой трупъ“.

Искренне-убѣдительный тонъ моихъ совѣтовъ и разъясненій мало-по-малу, сначала скрыто, а затѣмъ открыто, создавали все болѣе и болѣе увеличивающійся кругъ моихъ сторонниковъ; въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что безъ всякаго вмѣшательства войскъ, безъ кровопролитія и безъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій—эксцессовъ увлеченія толпы, примѣры которыхъ мы видѣли по всей Кутаисской и Тифлисской губерніямъ, населеніе гор. Сухума сумѣло возстановить порядокъ: большинство перешло на мою сторону, предложило пропагандистамъ удалиться добровольно изъ города еще за 2 недѣли до результатовъ окончательнаго сраженія правительственныхъ войскъ съ революціонерами въ Москвѣ.

Несмотря на то, что, благодаря необыкновеннымъ усиліямъ и отчаянной борьбѣ въ дѣлѣ охраны интересовъ населенія, намъ удалось возстановить порядокъ и спокойствіе, результаты этого, чреватаго своими послѣдствіями крупнаго явленія, не могли не отразиться пагубно на ходѣ нормальной жизни всей страны. Даже незначительная пріостановка работъ вызываетъ на продолжительный срокъ разстройство, разладъ въ общемъ процессѣ жизни, а-то такой переворотъ, какой произошелъ въ 1905 году, не могъ, дѣйствительно, не измѣнить всей налаженной системы жизни.

Легко сказать: „наступило успокоеніе, зачѣмъ же дѣло стало, нуж-

но было приступить къ возстановленію всѣхъ тѣхъ условій, которыя были до момента переворота⁶⁶. Даже послѣ быстро-проходящаго какого-нибудь нападенія съ цѣлью грабежа на учрежденіе необходимо довольно продолжительный періодъ чтобы войти въ колею, успокоиться, а здѣсь почти цѣлыми годами шло дѣло подготовки, наэлектризованія настроенія массы населенія и вдругъ, сразу ввести полное успокоеніе въ умы въ и душевный складъ обывателя-не легкая задача!

Тѣмъ не менѣе, я и въ этомъ отношеніи принималъ рѣшительныя мѣры. Январь и февраль мѣсяцы 1906 г., какъ и слѣдовало ожидать, прошли все время въ страхѣ, въ предчувствіи чего-то грознаго: даже сообщенія и корреспонденціи не были возстановлены въ нормальныхъ условіяхъ. Первый изъ представителей общественныхъ учрежденій, я возбудилъ вопросъ о возстановленіи правъ гласныхъ: не дожидась разрѣшенія, я сталъ приглашать гласныхъ на засѣданія: въ этомъ дѣлѣ я встрѣчалъ пренятствія прежде всего отъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ больше всего требовалось содѣйствіе и сочувствіе въ дѣлѣ возстановленія порядка.

У васъ имѣется въ дѣлѣ, и если пока еще не успѣли рассмотреть то позвольте мнѣ обратить вниманіе ваше на то письмо, которое я писалъ одному изъ гласныхъ, впоследствии, по волѣ роковой случайности, сдѣлавшемуся вершителемъ судебъ

моихъ, а именно тому самому ревизору, благодаря которому вамъ приходится разсматривать это путаное дѣло. Напуганные еще неизгладившимися впечатлѣніями событій, гласные боялись посѣщать засѣданія и послѣ возстановленія спокойствія, а дѣла требовали обсужденія и разрѣшенія. Вотъ для того, чтобы призвать всѣхъ къ порядку и напомнить имъ объ обязанностяхъ, закономъ возлагаемыхъ на нихъ, въ интересахъ дѣла, мнѣ приходилось обращаться съ такого рода письмомъ, копія котораго приложена къ дѣлу, и къ гласному Е. Л. Маркову; достойно вниманія и само содержаніе письма.

Вотъ это письмо:

„Многоуважаемый Евгеній Яковлевичъ! Исполняя постановленіе думы, которымъ признано необходимымъ напомнить гласнымъ, непосѣщающимъ засѣданія, объ обязанностяхъ, возложенныхъ дѣйствующимъ закономъ на избранныхъ представителей города, не могу не выразить, къ величайшему моему сожалѣнію и я своего чувства неудовольствія по поводу того, что вслѣдствіе неаккуратности въ посѣщеніи засѣданій, срочныя и не терпяція отлагательства дѣла тормозятся и отъ этого терпятъ интересы населенія, представителями и защитниками нуждъ и потребностей котораго должны являться по самому характеру своей дѣятельности гласные. Обращая вниманіе на это ненормальное и щекотливое обстоятель-

ство, льщу себя надеждой, что на будущее время мнѣ не прійдется обращаться съ подобными, неприятными для меня письмами къ гласнымъ сухумской гор. думы. Примите увѣренность въ совершенномъ моемъ почтеніи и уваженіи къ Вамъ“.

Это обстоятельство—напоминаніе объ обязанностяхъ гласнаго, не въ мѣру разозлило бывшего гласнаго, а впоследствии—главнаго ревизора моихъ дѣйствій въ сухумскомъ самоуправленіи Е. Л. Маркова. Онъ написалъ мнѣ рѣзкое письмо и на первомъ же засѣданіи думы возбудилъ вопросъ, предварительно оппозиционными рѣчами рѣшивъ приготовить гласныхъ, о томъ, чтобы поставить на баллотировку довѣріе къ городскому головѣ: онъ требовалъ выразить мнѣ порицаніе за это письмо; несмотря на мои просьбы, не ставить вопросъ такъ рѣзко и не обращая вниманія на мои разъясненія въ смыслѣ убѣжденія въ томъ, что я никакихъ намѣреній не имѣлъ обижать кого бы то ни было, Е. Л. Марковъ настоялъ на томъ, чтобы былъ поставленъ ящикъ для выраженія предсѣдателю думы порицанія, но гласные большинствомъ всѣхъ противъ 2-хъ—самого Маркова и еще одного—нашли мои дѣйствія правильными и не сочли возможнымъ согласиться съ требованіемъ Маркова о выраженіи мнѣ недовѣрія. Не подчинившись рѣшенію большинства, гласный Марковъ демонстративно, съ угрозами по адресу предсѣдателя и думы, оставилъ залъ засѣданія.

Главный мотивъ, единственная причина раздора съ представителемъ интересовъ мѣстнаго общественнаго учрежденія, лица, призваннаго по своему положенію защищать престижъ власти и установленный закономъ порядокъ — это нежеланіе подчиниться требованію предсѣдателя думы, призывающаго гласныхъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Содержаніе оффиціального письма съ достаточной ясностью излагаетъ сущность дѣла и указываетъ на тотъ фактъ, что еще въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года, когда написана была эта бумага, нельзя было ввести въ нормальную колею расшатанный порядокъ и взбудораженное совершившимися событіями настроеніе среди мѣстнаго населенія. Разъ типичный чиновникъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его дѣйствій, считалъ себя вправѣ протестовать, оказать оппозицію за то, что оффиціальный, закономъ и властями признанный представитель общественнаго учрежденія призываетъ къ порядку лицъ, облеченныхъ закономъ извѣстными обязанностями передъ этимъ учрежденіемъ, какъ выразителемъ нужды населенія, то легко себѣ представить, что могло быть среди несчитающейся ни съ какими законными требованіями части населенія.

Гласный Марковъ, какъ выше доложено было, демонстративно оставилъ залъ засѣданія и сложилъ съ себя званіе гласнаго; но на этомъ дѣло не кончилось: усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ гласнаго Маркова явно

недоброжелательное, враждебное ко мнѣ отношеніе, не вызываемое съ моей стороны никакими некорректными поступками, я вызвалъ его на третейскій судъ и съ своей стороны избралъ судьями А. В. Даль и В. К. Суходольскаго, но Е. Л. Марковъ отъ суда уклонился и скоро послѣ этого перевелся въ Кутаисъ начальникомъ отдѣленія кутаисской казенной палаты.

Какъ извѣстно, высшимъ административнымъ органомъ, разрѣшающимъ большею частью въ окончательной инстанціи дѣла городскихъ самоуправленій, является губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, въ составъ котораго входитъ и управляющій казенною палатою или замѣститель — начальникъ одного изъ отдѣленій. Такъ какъ бывшій гласный и податной инспекторъ гор. Сухума могъ считаться знатокомъ сухумскихъ дѣлъ, то ему нетрудно было сдѣлаться постояннымъ членомъ присутствія, при разсужденіи дѣлъ гор. Сухума. Если пересмотрѣть дѣла сухумскаго городск. общественнаго управленія за короткій періодъ завѣдыванія дѣлами отдѣленія кутаисск. казенн. палаты Евгениемъ Марковымъ, то почти во всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ постановлены опротестованіе или неутвержденіе рѣшеній сухумск. думы или ея оффиціальныхъ представителей, можно отмѣтить присутствіе бышаго гласнаго, недовольнаго дѣйствіями глав-

наго представителя общественнаго учрежденія—городскаго головы.

Кутаисское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе никакъ не соглашалось направить установленнымъ порядкомъ ходатайство сухумск. городской думы о разсрочкѣ платежей: имѣется въ дѣлахъ присутствія обстоятельный докладъ казенной палаты о ненужности разсрочки; въ связи съ этимъ вопросомъ находится дѣло неутвержденія смѣты гор. Сухума: разъ разсрочка не допускалась, то смѣту нельзя было составить безъ дефицита, а по существующему положенію смѣта не можетъ быть заключена съ дефицитомъ.

Все это создавало затруднительное положеніе для города Сухума, возбуждало подозрѣніе начальства и тѣмъ самымъ вызывало возможность ревизіи. Все это я хорошо предвидѣлъ, но я былъ занятъ въ то время болѣе существенными дѣлами города: нужно было изыскать средства, подавать ходатайства для удовлетворенія различныхъ нуждъ города и стремиться проводить ихъ въ центральномъ управленіи. Ходатайство о разсрочкѣ недоимокъ, накопившихся за все время существованія аномальныхъ условій, два раза отклоненное кутаисской казенной палатой и вслѣдствіе ея доклада неподдержанное кутаисскимъ губернаторомъ, прошло благополучно, въ благопріятномъ смыслѣ для города Сухума во всѣхъ инстанціяхъ центр. управл.—объ этомъ

имѣется справка—официальная бумага въ дѣлахъ управы и канцеляріи кутаисск. по городск. дѣламъ присутствія.

Когда по дѣламъ города я находился въ Петербургѣ и, помимо usualнаго проведенія ходатайствъ объ отпускѣ суммъ на благоустройство города, велъ важные переговоры съ влиятельными лицами и капиталистами о постройкѣ желѣзной дороги, могущей поднять благосостояніе всего побережья, особенно Сухума, я получилъ сообщеніе, что генераль-губернаторомъ, по своему личному усмотрѣнію, назначена ревизія сухумскаго самоуправленія и главнымъ ревизоромъ посланъ Е. Л. Марковъ, который уже пріѣхалъ въ Сухумъ и приступилъ къ строжайшей ревизіи. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы заранѣе предугадать, къ чему клонилась вся эта исторія. Я, конечно, бросилъ всѣ дѣла въ Петербургѣ и немедленно выѣхалъ обратно, нарочно заѣхалъ въ Кутаисъ, повидался съ управляющимъ казенной палатой и попросилъ его командировать къ ревизорамъ и бывшаго бухгалтера сухумской управы Лукашевича, который велъ до меня и при мнѣ всѣ бухгалтерскіе книги и счета.

Нужно отмѣтить одно, достойное въ данномъ случаѣ, серьезнаго вниманія, обстоятельство. Въ мое отсутствіе, безъ моего вѣдома, бухгалтера управы, ведшаго всѣ записи и счета по поступленіямъ и расходамъ, за все время революціи.

прекратившаго вести записи и запустившаго книги, начальникъ 2 отдѣленія кут. каз. палаты. Е. Л. Марковъ переводить въ палату для зачисленія чиновникомъ этого учрежденія; ничего не имѣя противъ такого повышенія своего служащаго, это обстоятельство вызывало все же массу неудобствъ: въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ бухгалтеръ не совершалъ записей въ книгахъ. Онъ долженъ былъ пополнять всѣ пропуски путемъ справокъ изъ памятныхъ книжекъ и возстановленія въ памяти фактовъ. И, вотъ, такого человѣка, неуспѣвшаго еще возстановить книги, какъ разъ передъ ревизіею переводятъ. Несмотря на мои требованія и домогательства, бухгалтера Лукашевича никто не пригласилъ: управляющій казенной палатой говорилъ, что сами ревиз. должны были потребовать его, а ревизоры на мою просьбу отвѣтили, что нѣтъ въ немъ надобности: они сами разберутся безъ помощи бухгалтера; мало этого, вопреки существующимъ законамъ и основнымъ правиламъ всякой ревизіи учрежденія общественнаго или правительственнаго, они не предъявляли главѣ учрежденія своихъ выводовъ для разъясненій.

Насколько правильно могли ориентироваться ревизоры въ сложной задачѣ проверки не вполне еще заполненныхъ записями книгъ видно изъ слѣдующей моей официальной бумаги, посланной за два мѣсяца до разсмотрѣнія отчета о ре-

визіи компетентнымъ учрежденіемъ губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутвіемъ:

„Начальникъ отдѣленія кутаисск. каз. палаты. Е. Л. Марковъ, производившій по порученію вашего превосход. ревизию сухумск. гор. самоуправленія, раздаетъ отпечатанный отчетъ частнымъ лицамъ: знакомымъ, корреспондентамъ до разсмотрѣнія и провѣрки его установленнымъ порядкомъ и, вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу, уже стали появляться корреспонденціи въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ съ сообщеніемъ со словъ ревизоровъ о крупныхъ растратахъ и злоупотребленіяхъ въ сухумскомъ самоуправленіи; еще отъ 28 марта с. г. до представленія отчета вашему превосход., мѣстный корреспондентъ Полюсюкъ писалъ со словъ Е. Л. Маркова въ „Тифлисс. Листкѣ“, что въ сухумскомъ самоуправленіи обнаружена растрата въ 100,000 руб. Объ этомъ онъ категорически заявилъ въ газетѣ, теперь этотъ корреспондентъ, въ подтвержденіе заявленныхъ имъ въ газетѣ сообщеній и для дальнѣйшихъ разоблаченій растраты, получилъ отпечатанный отчетъ. Не говоря о томъ, что такого рода распоряженія и дѣйствія по части опубликованія данныхъ до провѣрки ихъ установленнымъ порядкомъ, недопустимы закономъ, самый отчетъ о ревизіи сухумскаго самоуправления наполненъ грубѣйшими ошибками; для реальной иллюстраціи этихъ оши-

божь приведу нѣсколько цифровыхъ данныхъ изъ отчета: нигдѣ въ отчетѣ не сказано, что ревизорами обнаружена недоста- ча суммъ: приходъ съ расходомъ по всѣмъ годамъ сходятся, на стра- ницѣ 14 отчета, 74,807 р. 64 к. на- званы дефицитомъ, на стран. 18-ой того же отчета, дѣлая вычисленія складывая недоимки казнѣ 53,951 р. 34 к. + долги разнымъ лицамъ 12,242 р. 92 к. + портовые суммы 21,994 р. 17 к. + переходящія сум- мы 25,471 р. 65 к. = 112.760 р. 02 к., изъ этой суммы вычитывая 37,952 р. 88 к. — недоимки и слѣдующія го- роду деньги, остается 74,807 р. 64 к., которые ревизоры называ- ютъ: „названные выше растраты и долги“.

Но, если изъ 74.807 р. 64 к. вы- четь признанные самими ревизи- рами долги 53.051 р. 94 к. + 12.242 р. 92 к. = 65.294 р. 84 к.; 174.807 р. 64 к. — 65.294 р. 84 к. = 9.612 р. 80 к., откуда взялась растрата и то свыше 46 тыс. р.? Такая стран- ность въ данномъ случаѣ объясня- ется тѣмъ, что ревизоры не захотѣ- ли получить разъясненія отъ бухгал- тера Лукашевича, нынѣ служащаго въ кутаисск. казенной палатѣ, вед- шаго записи въ бухгалтерскихъ кни- гахъ задолго до меня (я лично об- ращался съ просьбой объ этомъ къ управляющему кут. каз. пал. и онъ обѣщаль командировать Лукашевича въ Сухумъ, если ревизоры потребу- ютъ). Я заявилъ объ этомъ Марко- ву, но онъ не захотѣлъ не только

потребовать разъясненія отъ бухгалтера, ведшаго подъ своей отвѣтственностью всѣ записи, но и не даль намъ возможности провѣрить установленныя имъ данныя. Благодаря такимъ, допущеннымъ ревизорами, нарушеніямъ элементарныхъ правилъ всякой ревизіи, они запутались въ цифрахъ и [поэтому неудивительно, что они считаютъ поступленія портовыхъ и переходящихъ суммъ, а расходы тщательно не провѣряли. Вѣдь портовые суммы отпускаются на опредѣленныя, заранѣе указанныя и провѣренныя техническимъ комитетомъ отдѣла портовъ, работы; для подтвержденія документальными данными того, что портовые деньги издержаны по назначенію, представляю особо точныя свѣдѣнія о количествѣ работъ, на которыя деньги отпущены, и количествѣ работъ, выполненныхъ управою. Свѣдѣнія эти составлены и представлены мѣстнымъ представителемъ отдѣла портовъ, завѣдывающимъ производящимися работами на средства отдѣла портовъ, инженеромъ Буйко. Изъ цифровыхъ данныхъ этой вѣдомости видно: на Колюбякинскую ул., относительно которой сказано ревизорами (см. ст. 17 отч.) „благодаря этой растратѣ главная ул.—Колюбякинская до настоящаго времени не замощена“, отпущены отдѣломъ портовъ только на мощеніе 1400 кв. саж., а устроено: шоссировка, стоящая каждой кв. саж. на 3 р. дорожке мощенія—814 кв. саж. и замощено 1006,50 кв. с., всего 1820,50

кв. саж. Эти свѣдѣнія я сообщаю только для подтвержденія того факта, насколько спорны, ошибочны и невѣрны могутъ быть отчеты по ревизіи до провѣрки ихъ установленныхъ порядкомъ. Я не боюсь, ваше превосходительство, никакой отвѣтственности, но въ вопросахъ, касающихся чести и нравственного достоинства человѣка, должна быть проявлена извѣстная, обязательная для оффиціальныхъ лицъ, осторожность. Подробный отвѣтъ на отчетъ ревизіи я, согласно предложенію отъ 11 апрѣля с. г. за № 243, представляю въ указанный мнѣ срокъ, но до того прошу васъ оградить мою честь отъ незаслуженныхъ и непровѣренныхъ еще обвиненій и нападокъ. Если вашимъ превосходительствомъ разрѣшено Е. Л. Маркову оглашать непровѣренныя еще свѣдѣнія, то, во имя справедливости, прошу васъ разрѣшить и мнѣ возражать печатно и подавать объясненія путемъ газетъ“.

Послѣ этого, не только не были приняты мѣры къ прекращенію оглашенія свѣдѣній, еще не провѣренныхъ установленнымъ закономъ порядкомъ, но, когда со словъ ревизора Маркова стали систематически травить меня, какъ представителя сухумскаго самоуправленія, доведеннаго будто-бы, благодаря только моей дѣятельности, до разоренія настолько, что даже служащимъ этого учрежденія денегъ не платятъ, въ видахъ возстановленія истины и защиты престижа учрежде-

нiя, представителемъ котораго я являлся, я вынужденъ былъ написать возраженiе въ одной изъ мѣстныхъ газетъ; вотъ по этому поводу я получилъ отъ губернатора слѣдующаго рода бумагу:

„Въ № 137 газ. „Батумскiй Голосъ“ воспроизведена оффиц. статья ваша подъ заглавiемъ „Финансы г. Сухума“, въ которой, возражая противъ помѣщенной въ № 133 той же газеты корреспонденци о томъ, что, вслѣдствiе переживаемаго остраго денежнаго кризиса, сухумская городская управа не уплачиваетъ за нѣсколько мѣсяцевъ жалованья служащимъ,—вы, подтверждая всеобщий денежный кризисъ, заявляете, что, хотя, по установившейся съ давнихъ поръ въ сухумскомъ городскомъ общественномъ управленii практикѣ, служащiе въ ономъ привыкли получать жалованье за 2—3 мѣсяца впередъ, но въ настоящее тяжелое время финансоваго кризиса, не только не задерживается своевременная выдача имъ жалованья, а, напротивъ, все-же представляется возможнымъ выдавать имъ мѣсячное содержанiе впередъ“. Удивляюсь, какъ (это вы, юристъ по образованiю, посылая такую статью для отпечатанiя въ газетѣ, не нашли нужнымъ справиться съ закономъ, которымъ установлены положительные сроки для выдачи содержанiя вообще служащимъ въ правительственныхъ учрежденiяхъ,—съ закономъ, который выдачу жалованья служащимъ впередъ поло-

жительно воспрещаетъ. Считаю нужнымъ предупредить васъ, что если засимъ замѣчено будетъ мною повтореніе легкомысленнаго, противозаконнаго отношенія вашего къ ввѣреннымъ вамъ дѣламъ, то я вынужденъ буду, по принадлежащей мнѣ власти генераль-губернатора, устранить васъ отъ должности“. Мой отвѣтъ на это грозное замѣчаніе гласитъ слѣдующее: „На предложеніе вашего превосход. отъ 24 іюня 1908 г. за № 440, относительно указанныхъ въ моемъ объясненіи фактовъ нападокъ въ газетѣ на какъ-бы неправильныя дѣйствія сухумск. гор. управы въ дѣлѣ выдачи жалованья служащимъ, честь имѣю донести слѣдующее: въ возраженіи моемъ было указано на то, что въ настоящее время, въ силу установившагося финансоваго кризиса, чрезмѣрная привилегія служащихъ управы должна была быть отмѣнена. Я въ своемъ возраженіи ясно отмѣняю тотъ фактъ, что мною принимаются мѣры къ возстановленію нормальнаго порядка. Во всѣхъ городскихъ общественныхъ управленіяхъ гораздо больше обращаютъ вниманія на служащихъ, чѣмъ это допускается мною въ сухумск. управѣ. Вашему превосходительству должно быть извѣстно, что во всѣхъ управахъ допускается въ теченіе года сверхсмѣтная выдача служащимъ единовременнаго вознагражденія, но я, въ видахъ экономіи, не только не возбуждаю вопроса о вознагражденіи служа-

щихъ, но возлагаю на нихъ чрезмѣрныя обязанности. По всѣмъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, характеръ которыхъ не можетъ не отразиться въ оффиціально представляемыхъ бумагахъ, можно видѣть, что интересы города и его населенія мною защищаются всѣми силами и средствами и если, несмотря на это, встрѣчаются кое-какія затрудненія, то въ этомъ очень мало моей вины. Какъ-то въ последнее время особенно подчеркивается недостатокъ только руководителя сухумскаго самоуправленія и не принимаются въ соображеніе характеръ дѣятельности и другихъ, сравнительно съ Сухум. въ гораздо лучшихъ условіяхъ находящихся городовъ; я далекъ отъ мысли критиковать дѣятельность другихъ представителей городск. обществ. управл., но по отношенію ко мнѣ не можетъ не удивлять одно обстоятельство: оттѣняя случаи ошибокъ, упущеній, не допуская никакой положительной стороны въ моей дѣятельности, кажется, несправедливымъ; я принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы по силѣ возможности честно служить населенію города и если, при этихъ условіяхъ я все же являюсь по какимъ-бы то ни было соображеніямъ нежелательнымъ и вреднымъ, то съ покойной совѣстью могу я ждать всякаго рода наказанія“.

Вотъ какова была атмосфера среди вершающихъ мою судьбу лицъ еще за два мѣсяца до разсмотрѣнія моего дѣла въ присутствіи, преоб-

ладающее значение в которомъ; конечно, имѣють председатель—губернаторъ и представитель казенной палаты—вѣдомства ревизоръ Е. Л. Марковъ.

На засѣданіи присутствія представитель судебного вѣдомства—председатель кутаисск. окружного суда—ясно разъяснилъ, что ни в одномъ пунктѣ инкриминируемаго мнѣ обвиненія нѣтъ состава преступления и что судъ не можетъ разсматривать этого дѣла; въ крайнемъ случаѣ, въ данномъ дѣлѣ можетъ быть примѣнено только дисциплинарное взысканіе, указанное въ Гор. положен.; потерпѣвъ фіаско, въ смыслѣ устраненія всѣхъ главныхъ пунктовъ обвиненій, представители административнаго усмотрѣнія настояли на примѣненіи ко мнѣ высшей мѣры дисциплинарнаго наказанія, т. е. удаленія отъ службы, что и требовалось съ начала же, но задержка представлялась въ томъ, что дѣло нужно было направить для утвержденія высшему начальству, которому уже неоднократно доносилось о злоупотребленіяхъ и уголовнаго характера преступленіяхъ моихъ и вдругъ оказывается, что дѣло даже не подлежитъ судебному разбирательству.

Въ канцеляріи намѣстника въ судебномъ отдѣлѣ, правильно поставили вопросъ: или сухумскій городской голова невиновенъ и, слѣдовательно, не подлежитъ никакому наказанію, или онъ виновенъ и дѣло нужно передать суду для ква-

лифицированія преступленія и, вотъ, по этимъ соображеніямъ, дѣло мое было передано слѣдователю для производства слѣдствія. Неудобство веденія дѣлъ судебнымъ порядкомъ у насъ заключается въ томъ, что они длятся неопредѣленное время: во-первыхъ, потому что слѣдователи обременены дѣлами, а, во-вторыхъ, самый характеръ слѣдственнаго производства требуетъ детальнаго разсмотрѣнія всѣхъ подлинныхъ документовъ; здѣсь нельзя обойтись упрощеннымъ, излюбленнымъ администраціею, способомъ личнаго усмотрѣнія. Но это дѣло, помимо вліянія общихъ причинъ, вопреки ожиданію, затянулось слишкомъ долго.

Весьма интересна роковая исторія затяжки, задержки этого дѣла: сначала, какъ видно изъ лежащаго передъ вами дѣла, слѣдствіе было поручено по моему дѣлу слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Бойко: онъ, послѣ довольно продолжительной задержки, вызванной процедурой передачи дѣлъ изъ одного вѣдомства въ другое, пріѣхалъ въ городъ Сухумъ, разсмотрѣвъ всѣ документы, какъ опытный юристъ, онъ сразу понялъ, что это дутое дѣло, что вмѣнено въ вину, какъ крупное преступленіе, совсѣмъ не уголовнаго характера нарушеніе, а простой недосмотръ, караемый въ случаяхъ рецидивовъ, въ крайнемъ случаѣ, замѣчаніемъ. Конечно, человекъ, на отвѣтственности котораго были дѣла нѣсколькихъ лицъ, лишенныхъ сво-

боды, содержащихся въ тюрьмахъ, былъ возмущенъ тѣмъ, что и безъ того малый штатъ лицъ, занятыхъ слѣдствіемъ, отвлекаютъ такими пустячными дѣлами.

Представьте себѣ, здѣсь, въ маленькомъ городѣ, гдѣ каждый уличный бродяга и ночной мелкій ворюшка имѣетъ возможность свободно предаваться разгулу, даже стрѣлять и наводить страхъ на жителей, слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при всей, присвоенной вѣдомству мин. юст. формѣ, городской приставъ арестовываетъ и препровождаетъ въ участокъ только за то, что онъ поздно возвращался домой, несмотря на протесты его самого и лицъ, сопровождавшихъ его. Это обстоятельство вызвало то, что слѣдователь поѣхалъ жаловаться на мѣстную полицію, послѣдствіемъ этого было увольненіе слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ со службы. Это странное обстоятельство затормозило мое дѣло еще на цѣлый годъ.

Наконецъ, изъ законченнаго слѣдствія вы, г. г. судьи имѣете въ рукахъ какой-то жалкій осколокъ съ тѣхъ крупныхъ обвиненій, благодаря которымъ можно было создать это громкое дѣло и вызванное имъ крупное для жизни одного общественнаго дѣятеля послѣдствіе.

Въ чемъ, собственно говоря, обвиняютъ меня въ настоящемъ процессѣ?! Въ томъ, что я въ 1905 г., въ то время, когда власти были въ осадномъ положеніи, когда не бы-

до ни желѣзнодорожныхъ, ни пароходныхъ, ни почтово-телеграфныхъ сообщеній, принималъ всѣ мѣры, чтобы удовлетворить насущныя нужды населенія, поддержать функционированіе всѣхъ, содержимыхъ на средства города, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій?!

2) Меня предали суду за то, что въ то время, какъ высшіе представители административной власти въ краѣ, растерявшись, раздавали оружіе революціонерамъ, я съ опасностью для жизни защищалъ имущество и капиталы, какъ населенія, такъ и правительственныхъ учрежденій?!!

3) Меня судятъ за то, что, какъ видно изъ имѣющихся у суда официальныхъ документовъ, вмѣсто указанныхъ по смѣтамъ 3900 квадр. саж. площади замощенія улицъ въ дѣйствительности я устроилъ 4867 кв. саж.

Кто же меня предаетъ за эти дѣйствія суду?

Тѣ лица, которыя въ періодъ наступленія строгой кары за злоупотребленія, за преступленія по службѣ, въ эпоху страшнаго суда надъ грабителями казны—интендантами, на виду у всѣхъ, передъ проѣздомъ ревизовавшаго страну замѣстителя намѣстника, допускаютъ растрату на подъѣздной путь съ 40 тысячъ до 130 тыс. руб., а нанесенной на планѣ дороги, по которой долженъ былъ по маршруту проѣхать замѣститель намѣстника, не оказалось?! Но это все прохо-

дить безнаказанно... пострадали только „стрѣлочники“ по службѣ, низшей служащей—техникъ! Вѣдь на этотъ фактъ, я даю себѣ смѣлость указать суду только потому, что это доказано документальными данными, объ этомъ все знаютъ, все это печаталось въ газетахъ и поэтому дѣлу наряжено было слѣдствіе при посредствѣ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ начальника округа путей сообщенія—инженера Гофмана.

4) Меня обвиняютъ въ томъ, что въ то время, какъ въ центрѣ административнаго управленія края, на виду у всехъ властей и съ благосклоннаго расположенія послѣднихъ, сотни тысячъ занимались подъ векселя за счетъ населенія и раздавались пропагандистамъ подъ видомъ „безработныхъ интеллигентовъ“, я заставлялъ скромныхъ, несчастныхъ труженниковъ сухумскаго самоуправленія работать на пользу о-ва и не только не удовлетворялъ ихъ повышенныхъ требованій, но не выдавалъ имъ даже допускаемаго обычая вознагражденія сверхъ жалованія, но, входя въ ихъ безвыходное положеніе, разрѣшилъ имъ устроить разсрочку платежей накопившихся за все время ихъ службы недоимокъ ихъ?!

5) Меня обвиняютъ за то, что создатели этого дутого дѣла, руководимые злобнымъ, анти-общественнымъ и противозаконнымъ инстинктомъ въ стремленіи подтасовать факты для введенія въ заблужденіе началь-

ствующихъ лицъ, въ погонѣ за фиктивными данными обвиненій противъ меня умышленно упустивъ изъ виду, что я въ теченіе 2-хъ лѣтъ, не получая опредѣленныхъ мнѣ законнымъ порядкомъ суточныхъ и разъѣздныхъ по 15 р. въ день, на свой счетъ производилъ всѣ расходы по выполненію разныхъ полномочій города, ставятъ мнѣ въ вину, то, что за поѣздку въ Петербургъ я взялъ на проѣздъ деньги, которыя я обратно же вернулъ въ кассу города изъ причитавшагося мнѣ къ выдачѣ жалованья, а сами ревизоры за подтасовку ложныхъ фактовъ, за успешное выполненіе своей миссіи получали аккуратно сверхъ жалованія въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ по 10 руб. суточныхъ помимо разъѣздныхъ! Это полагалось имъ и они, конечно, больше заботились объ общественныхъ интересахъ, чѣмъ о казенныхъ деньгахъ?!

5) Меня обвиняютъ въ томъ, что я сумѣлъ использовать мое частное, личное отношеніе къ своимъ знакомымъ въ пользу населенія, въ интересахъ города; заставивъ почтеннаго старика изъ дома, въ которомъ видѣлъ радость и счастье въ жизни, выйти, уступивъ для нуждъ о-ва, мало этого на его же средства приспособилъ его зданіе для нуждъ города, что обошлось ему свыше тысячи руб..? Съ этого момента городъ все время является должникомъ этого человѣка, а не наоборотъ...

6) Меня обвиняють въ томъ, что челоѣка, оказавшаго неоцѣнимыя услуги населенію въ моменты опасности, я взялъ къ себѣ сотрудникомъ и будучи убѣжденъ въ его невинности, до разрѣшенія судомъ возбужденнаго его врагами дѣла, не прекратилъ ему выдачи заслуженныхъ имъ за труды на пользу учрежденія денегъ?!!

7) Меня судятъ за то, что въ моемъ отсутствіи получена была бумага объ устраненіи служащаго и приказаніе было исполнено въ моемъ же отсутствіи по дѣламъ службы? Это отмѣчено предварительнымъ слѣдств., это указывается и въ обвинительномъ актѣ, но все же ставится мнѣ въ вину, по теоріи крыловской басни: „ты виновенъ лишь тѣмъ, что этого кому-то хочется“!!!

Но, довольно! Все это было бы смѣшно, если-бы, дѣйствительно, не было такъ грустно. Изъ всей этой исторіи моей травли меня больше всего огорчаетъ то, что я въ своей жизни, не особенно много прожитой, но испытавши много горя и разочарованій, очутился въ положеніи наивнаго дитяти или, вѣрнѣе, крыловскаго повара „Грамотѣя“ и продѣлывалъ массу наивн. дѣйствиій: терпѣливо выждавъ весь длительный и томительный процессъ завершенія предварительнаго слѣдствія, я по окончаніи работъ по провѣркѣ документовъ и допросѣ свидѣтелей, обратился съ заявленіемъ къ прокурору судебной палаты; воспользовавшись случаемъ пребыванія ревизио-

вавшего судебнаго учрежденія всего нашего края сенатора Рейнке въ городѣ, я подготовилъ на его имя докладную записку, въ которой разъяснилъ общія причины создающія осложненія и путаницы въ судебныхъ дѣлахъ у насъ; узнавъ о проѣздѣ черезъ Сухумъ министра юстиціи я подалъ ему докладную записку, разъясняющую всю подтасовку этого дѣла.

Г.г. судьи, я достаточно наказанъ всѣмъ тѣмъ, что уже случилось: конечно, я не считаю достойнымъ большого вниманія то, что я матеріально пострадалъ: вся моя жизнь служить примѣромъ того, что я матеріальную сторону не особенно высоко цѣню, неважно и то, что я лишился почетнаго положенія: никакія строгія кары не могутъ у меня отнять того, за что меня цѣнить и отличаетъ населеніе; была бы охота, я всегда могу занять въ выборной должности почетное положеніе; но величайшее мое наказаніе состоитъ въ томъ, что я извѣрился въ правильной, прямо-линейной, благородной дѣятельности въ пользу населенія въ той атмосферѣ, въ которой намъ приходится работать: я еще не такъ старъ, чтобы сложить оружіе, оставить навсегда общественную дѣятельность, но вся господствующая система, дающая возможность издѣваться надъ личностью, шельмовать безнаказанно скромныхъ тружениковъ по мановенію рукъ грубыхъ, озлобленныхъ, надменныхъ „калифовъ на

часъ“, отнимаетъ всякую охоту работать въ той области, гдѣ административное усмотрѣніе имѣетъ значеніе и вліяніе.

Г.г. судьи я ничего у васъ не прошу, ни снисхожденія, ни даже оправданія: я считалъ себя правымъ и тогда, когда мои личные враги злорадствовали, предвидя успѣхъ затѣянныхъ ими же противъ меня козней и кляузъ.

Я считалъ себя правымъ и тогда, когда мои личные друзья печалились, горевали, видя осуществленіе интригъ, возбужденныхъ противъ меня. Я буду считать себя правымъ и тогда, если, вопреки ожиданію, и вы произнесете свой обвинительный вердиктъ противъ меня, такъ какъ больше того наказанія, что я уже перенесъ, вы, даже при всей строгости, постановить не можете. Единственное нравственнаго характера вознагражденіе въ данномъ случаѣ не для меня лично, а для удовлетворенія присущаго каждому чистому, не поддавшемуся жизненнымъ дрызгамъ, челоуѣку чувства любви къ правдѣ, истинѣ, справедливости, было бы постановленіе рѣшенія суда, какъ это практикуется иногда, о томъ, чтобы о грубыхъ, неправильныхъ, незаконныхъ, антиобщественныхъ и противогосударственныхъ дѣйствіяхъ лицъ, оздавшихъ это дѣло, сообщить по начальству.

Ею Превосходительству

Оберъ-Прокурору общаго собранія и соединеннаго Присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ господину Рейнке.

Зная хорошо, что Ваше Превосходительство заняты ревизіей только судебныхъ учрежденій Кавказскаго края, я все же рѣшаюсь обратить вниманіе Ваше на одно обстоятельство, не имѣющее по первому взгляду непосредственнаго отношенія къ судебному вѣдомству, но, по характеру своему, заслуживающее серьезнаго вниманія со стороны лицъ, занятыхъ правильной постановкой судебного дѣла въ нашемъ краѣ.

Ваше Превосходительство не могли не обратить вниманія на прогрессивно-возрастающее количество дѣлъ слѣдственныхъ, разрѣшеніе которыхъ, по сложности и запутанности обстоятельствъ, по необходимости, длится на неопредѣленный срокъ. Большинство такихъ дѣлъ возбуждается лицами административнаго вѣдомства не только безъ всякихъ достаточныхъ основаній, но, большею частью, съ заранѣе обдуманной тенденціей пользоваться судебнымъ учрежденіемъ, какъ средствомъ расправы съ нежелательными для нихъ, по какимъ-бы то ни было соображеніямъ, съ частными или должностными лицами. Это вредное и деморализующее—дѣйствующее на населеніе явленіе, осо-

бѣнно пагубно отражается на жизни населенія у насъ на Кавказѣ, гдѣ чины администраціи большею частью безъ должнаго образованія и развитія, столь необходимыхъ качествъ для ориентированія въ сложныхъ условіяхъ жизни, требующихъ серьезной подготовки для правильнаго сужденія и разрѣшенія отдѣльныхъ, самою жизнью выдвинутыхъ, вопросовъ.

Чтобы не утруждать вниманія Вашего Превосходительства процедурою подтвержденія высказаннаго мнѣнія различными примѣрами, я рѣшаюсь указать на мое дѣло, обстоятельства котораго подробно описаны мною въ заявленіи, поданномъ прокурору судебной палаты и въ докладной запискѣ на имя министра юстиціи. Всѣ сообщенныя мною въ этихъ бумагахъ данныя и свѣдѣнія, подтверждены и проверены предварительнымъ слѣдствіемъ, законченнымъ и. д. слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при кутаисскомъ окружномъ судѣ А. А. Устиновымъ.

Обстоятельство это рельефно иллюстрируетъ всю безпринципную циничную систему утилизованія со стороны нѣкоторыхъ чиновъ администраціи нашего края судебныхъ учрежденій для проведенія въ жизнь своихъ анти-общественныхъ и противозаконныхъ намѣреній.

Моя единственная, покорнѣйшая просьба къ Вамъ, Ваше Превосходительство, обратить на это дѣло серьезное вниманіе: вызвать слѣдо-

вателя, установившаго факты умы-
 ленной подтасовки фактовъ и об-
 стоятельствъ, въ цѣляхъ ввести въ
 заблужденіе высшаго представителя
 административной власти въ краѣ,
 чтобы вызвать рѣшеніе, влекущее
 за собою распоряженіе, опорочива-
 ющее служебную дѣятельность вы-
 борнаго лица. Всѣ документы по
 этому дѣлу имѣются у слѣдова-
 теля Устинова для представленія
 прокурору судебной палаты.

*Ею Высокопревосходитель-
 ству Министру Юстиціи.*

Въ августѣ мѣсяцѣ 1909 г. я
 имѣлъ честь подать Вашему Высо-
 копревосходительству докладную за-
 писку, въ которой я просилъ объ
 ускореніи производства предвари-
 тельнаго слѣдствія по дѣлу, воз-
 бужденному противъ меня, вслѣд-
 ствіе интригъ и козней моихъ лич-
 ныхъ враговъ, поддерживаемыхъ гу-
 бернской администраціею, предъя-
 вившей ко мнѣ безъ всякихъ юри-
 дическихъ основаній, уголовного ха-
 рактера, обвиненія.

Я въ докладной запискѣ, тогда-же,
 еще до начатія предварительнаго
 слѣдствія, указывалъ на факты под-
 тасовокъ и умышенно-подстроен-
 ныхъ комбинацій, для привлеченія
 меня къ судебной отвѣтственности.

Въ настоящее время предвари-
 тельное слѣдствіе закончено и, дѣй-
 ствительно, констатированы факты
 подтасовокъ обстоятельствъ, въ цѣ-

ляхъ введенія въ заблужденіе высшее административное начальство въ краѣ.

Ваше Высокопревосходительство, я рѣшаюсь вторично обратить вниманіе Ваше на это обстоятельство только потому, что меня, какъ юриста по образованію, возмущаетъ эта, вошедшая въ систему у насъ—на Кавказѣ, процедура шельмованія, по иниціативѣ и домогательствамъ административныхъ чиновниковъ, общественныхъ дѣятелей при посредствѣ судебныхъ учрежденій. Лица, по своему положенію, призванныя защищать престижъ и значеніе государственныхъ установленій, проводящихъ въ жизнь законность, имѣющихъ цѣлью воспитывать населеніе въ духѣ правового порядка, сами содѣйствуютъ тому, что населеніе недоверчиво относится къ судебнымъ учрежденіямъ, послѣдствіемъ чего является уклоненіе отъ содѣйствія слѣдственной власти—лже-свидѣтельство и т. п. Смотрѣть на правительственное, особенно судебное учрежденіе, какъ на средство проведенія въ жизнь своихъ личныхъ неблагородныхъ тенденцій, недопустимо и преступно не только для представителей государственныхъ интересовъ, но и для всякаго простого обывателя.

Система оставленія безъ должнаго вниманія всѣхъ кляузно-подтасованныхъ обвиненій, представленныхъ внослѣдствіи судебными учрежденіями на прекращеніе, создаетъ неблагопріятный и вредный

для государственнаго порядка пре-
 цедентъ.

Объ этихъ обстоятельствахъ, я
 письменно сообщилъ и прокурору
 тифлисской судебной палаты, и ре-
 визовавшему судебныя учрежденія
 Кавказа—сенатору Рейнке.

Покорнѣйше прошу Васъ, Ваше
 Высокопревосходительство, какъ
 высшаго представителя судебного
 вѣдомства, облеченнаго довѣріемъ
 Монарха, слѣдить за проведеніемъ
 въ жизнь законности и справедли-
 вости, сдѣлать зависящее отъ Васъ
 распоряженіе о привлеченіи къ от-
 вѣтственности всѣхъ тѣхъ чиновни-
 ковъ, которые, злоупотребивъ пре-
 доставленной имъ властью, пользо-
 вались судебнымъ учрежденіемъ,
 какъ средствомъ для проведенія въ
 жизнь своихъ анти-общественныхъ
 и противозаконныхъ стремленій и
 тенденцій.

*Ею Превосходительству,
 Прокурору Тифлисск. Су-
 дебной Палаты.*

„Вполнѣ сознавая неудобство об-
 ращенія къ представителю прокура-
 туры съ разъясненіями обстоя-
 тельствъ по дѣлу обвиняемаго въ
 какомъ-нибудь преступленіи до окон-
 чанія предварительнаго слѣдствія, я
 до сихъ поръ воздерживался отъ
 представленія документовъ, дающихъ
 возможность ориентироваться въ
 сложной процедурѣ интригъ и
 кляузъ, пущенныхъ въ ходъ моими
 личными врагами для созданія ду-

таго обвиненія противъ меня. Тенденціозное освѣщеніе фактовъ и подтасовка обстоятельствъ, могущихъ опорочить дѣятельность и нравственное достоинство контролируемаго, хотя по характеру своему гнусное преступленіе, но, въ крайнемъ случаѣ, простительно мелкому чиновнику, получившему случайно власть судить и карать даже тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ имѣетъ лично враждебное отношеніе. Но всякое мнѣніе, сужденіе, особенно если оно касается нравственной стороны подвергаемаго контролю служащаго, должно быть тщательно и объективно провѣрено начальствомъ, призваннымъ дѣйствовать во имя защиты престижа государственной власти и поддержанія въ населеніи чувства уваженія къ законности и справедливости. Обращаю вниманіе Ваше, какъ лица, по долгу службы, стоящаго на стражѣ соблюденія законности и установленнаго закономъ порядка, на эти ненормальные обстоятельства: разъ само лицо, призванное блюсти святость и ненарушимость закона и установленнаго порядка, не только нарушаетъ законы, но, пользуясь предоставленными полномочіями, довѣриемъ, вводитъ въ заблужденіе высшихъ представителей государственной власти — нельзя оставить это обстоятельство безъ особеннаго вниманія.

Если власть имущія лица своимъ ясно-несправедливымъ и небрежно легкомысленнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, будутъ грубо нарушать установленные порядки, то это можетъ внести больше деморализации въ населеніе, чѣмъ дѣятельная пропаганда антигосударственныхъ идей со стороны промывниковъ существующаго режима.

